

Перевозкин Сергей Борисович

Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, per@bk.ru

Перевозкина Юлия Михайловна

Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой практической и специальной психологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, per@bk.ru

**ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД В РАБОТЕ
С РОЛЕВОЙ СТРУКТУРОЙ ЛИЧНОСТИ**

Аннотация. Поливариативность и турбулентность современной реальности, предлагающей огромный выбор ролевых возможностей, в том числе и через социальные сети, может затруднять успешную социализацию, так как осложняет выбор собственной позиции. Такой процесс явно отражает диахронично-синхроничные отношения. При наличии конфликта между личностными установками и общественными ожиданиями неизбежно возникают диахроничные отношения. Приведение в равновесие мотивов личности и экспектаций приводит к синхроничным отношениям. В этой связи важно приблизить ролевое консультирование, способствующее формированию эффективной функционально-ролевой структуры личности, к реальному процессу, что и явилось целью исследования. В основу ролевого консультирования была положена субстанционально-темпоральная концепция, позволяющая определить конкретные стратегии управления временными ресурсами в ролевой реконструкции. В рамках этой концепции работа с ролевой структурой личности определялась через выявление мотивов субъекта, их сопоставление с актуальной ролью и ее экспектациями, в прошлом, травмирующем настоящем и желаемом будущем. В процессе терапии происходит дифференциация всех ролевых моделей (диахрония) и их интеграция в одной личности (синхрония).

Ключевые слова: роли, консультирование, психотерапия, диахрония, синхрония.

Perevozkin Sergey Borisovich

Cand. Sci. (Psychol.), Assoc. Prof. of Chair of General Psychology and History of Psychology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, per@bk.ru

Perevozkina Julia Mikhailovna

Cand. Sci. (Psychol.), Assoc. Prof., Holder of Chair of Practical and Special Psychology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, per@bk.ru

**DIACHRONIC APPROACH IN WORK WITH
PERSONAL ROLE STRUCTURE**

Abstract. The polyvariance and turbulence of modern reality offering a huge selection of role-based opportunities, including through social networks, can impede successful socialization, as complicates the choice of one's own position. Such a process clearly

reflects diachronic-synchronous relationships. In the presence of a conflict between personal attitudes and social expectations, diachronous relations inevitably arise. Balancing the motives of personality and projections leads to synchronous relationships. In this regard, it is important to bring role-based counseling closer to the real process, contributing to the formation of an effective functional-role structure of the personality, which was the purpose of the study. The role-based counseling was based on a substantial-temporal concept, which allows to determine specific strategies for managing temporary resources in role-based reconstruction. Within the framework of this concept, work with the role structure of the personality was determined through the identification of the subject's motives, their comparison with the current role and its projections, in the past, traumatic for the present and the desired future. In the process of therapy, there is a differentiation of all role models (diachrony) and their integration in one person (synchrony).

Keywords: roles, counseling, psychotherapy, diachrony, synchrony.

Актуальность исследования связана с трудностями, сопряженными с совокупностью временной и пространственной составляющих, предполагающих реализацию любого действия во времени и пространстве. В свою очередь временная развертка подразумевает как симультантное, так и сукцессивное действие, что создает сложности в исследовании любого процесса. Более того, как деятельность, так и личность демонстрируют поливариативность и многомерность, обусловленные сложной системой детерминант [5; 6; 8]. Современные изменения в обществе обуславливают трансформации и в ролевой структуре личности, особенно это касается молодого поколения, которые только экспериментируют с ролями и не имеют устойчивой ценностно-смысловой системы, что зачастую приводит к ролевой спутанности и ролевым конфликтам. Поливариативность и турбулентность современной реальности, предлагающей огромный выбор ролевых возможностей, в том числе и через социальные сети, может затруднять успешную социализацию, так как осложняет выбор собственной позиции. В то же время успешное ролевое освоение предусматривает установление синхроничных отношений между субъектом и обществом, что означает эффективную интериоризацию личностью требований, правил, норм, связанных с ролевым поведением, и сопоставление их с собственными ценностями, потребностями, интересами и пр. Такой процесс явно отражает диахронично-синхроничные отношения. При наличии конфликта между личностными установками и общественными ожиданиями неизбежно возникают диахроничные отношения. Приведение в равновесие мотивов личности и экспектаций приводит к синхроничным отношениям [2].

В переходах от диахроничности к синхроничности и заключается специфика ролевой социализации в ее темпоральной форме [7; 8]. В этой связи важно приблизить ролевое консультирование, способствующее формированию эффективной функционально-ролевой структуры личности, к реальному процессу. Следовательно, решение проблем, связанных с ролевыми искажениями в структуре личности, может лежать в плоскости синхронично-диахроничных отношений. В понимании сущности молодежной субкультуры А. Г. Асмолов подчеркивает необходимость поиска способов и путей сотрудничества, взаимодействия и оказания психологической помощи современной молодежи, существующей в мире социальных сетей [1]. С другой стороны, в основе психологической помощи должна лежать научная теория, определяющая гипотезу, причинно-следственные связи между психологическим воздействием и ее эффектом в виде желаемого результата [18].

Применение методов в работе с ролями не является новым. Большое количество исследований отражает эффективное применение разных подходов по изменению ролевого поведения. История возникновения психотерапии начинается от двух направлений: теории символического интеракционизма и психодрамы Я. Морено. Символический интеракционизм положил начало пониманию ролей как необходимых функций в социализации личности, а само психотерапевтическое воздействие активно развито в психодраматическом направлении. В этом подходе, автором которого является Я. Морено, личность представлена в виде набора ролей, а психотерапевтический эффект достигается через становления спонтанности в использовании ролей и расширении ролевого репертуара индивида [12]. Сущностью психодраматического подхода выступает трансформация дисфункциональных ролей в функциональные посредством анализа ролей, их взаимодействия в процессе перехода одной роли в другую, ролевых конфликтов. Важной особенностью, с точки зрения Г. Лейтца, является разыгрывание сцены в настоящем [10]. Это позволяет осознать, отреагировать и преобразовать собственные жизненные установки, препятствующие адекватному функционированию здесь и сейчас. Психодраматический подход нашел широкое применение, его последователи используют ролевые игры для решения проблем в семейной, групповой и индивидуальной терапиях [24]. В рамках этого подхода реализуется диагностика ролевых нарушений посредством активизации конкретной роли или драматического акта, связанного с субъективной проблемой.

В качестве положительного эффекта психодрамы А. Хайгл-Эверс с коллегами демонстрируют результаты исследований, содержащих данные частичного улучшения для больных с неврозом и шизофренией, пациентов с алкогольной зависимостью [17]. С другой стороны, в других работах приводятся данные относительно отсутствия научных доказательств эффективности психодрамы [19; 28]. Представленный Р. А. Радди и К. Дент-Браун статистический анализ в аналитической статье продемонстрировал тот факт, что из 183 исследований только пять соответствуют критериям эффективности психодрамы [26]. Причем все пять направлены на достижение психотерапевтического воздействия с больными шизофренией в условиях стационара. Этот факт сам по себе уже интересен, так как именно для больных шизофренией характерно пренебрежение общественными ожиданиями, ролевыми моделями при опоре на собственные латентные установки и смыслы. Проблемным моментом в психодраме является ориентация на взаимодействие между индивидами, так как основу психотерапии составляет динамика интеракций, которую желал бы изменить сам субъект, при этом сама личность исключается из анализа. Еще одним критическим замечанием является размытость в понимании феномена роли в психодраматическом подходе. Так, существует «роль созерцающего», «роль возлюбленного», «роль принимающего пищу». Такие роли в большей степени отвечают микроуровню, имеющему ситуативную направленность [15].

П. П. Горностай приводит еще два направления психотерапии кроме психодрамы, которые заслуживают внимание и направлены на трансформацию ролевых компонентов структуры личности: транзактный анализ Э. Берна и терапия фиксированной роли Дж. Келли [4]. Транзактный анализ, также как и драматерапия, базируется на анализе и коррекции сценарного взаимодействия. К этому добавляется анализ ролевых дисгармоний и жизненных сценариев самой личности, которые основаны на ее опыте. Если жизненный сценарий представлен как неконструктивный, то в процессе терапии происходит его «переписывание». Это, с точки зрения Э. Бер-

на, позволяет гармонизировать ролевой репертуар и жизненную эффективность личности [3]. Таким образом, также как и в психодраме, личность исключена из терапевтического фокуса, который в большей степени сосредоточен на проблеме взаимодействия между индивидами [16]. В качестве критических замечаний К. Рудестам отмечает редкость научных данных об эффективности терапии с помощью транзактного анализа [16]. Однако приводятся результаты исследований терапевтических эффектов на осужденных и детях, которые демонстрируют улучшение показателей самооценки, самопринятие и принятие окружающих, нивелирование признаков асоциальности и пр.

Взяв за основу понимание роли как образа действия «зеркального Я», разработанного в теории символического интеракционизма, Дж. Келли предлагает терапевту и клиенту изучать ролевой репертуар посредством написания личной истории, в которой могут проявляться дисбалансированные роли [9]. В большинстве случаев это роли, характерные для ранних возрастных периодов [4]. Этот аспект отличает указанный подход от двух других. Схожим является разыгрывание вымышленной роли в терапевтической ситуации и реальной среде, что позволяет изменить дисконкордантную систему ролевых конструкторов. В результате терапии фиксированной роли должно произойти совершенствование ролевого репертуара и усиление его функциональности. Иными словами, психотерапевтический эффект в терапии фиксированной роли Дж. Келли достигается посредством успешного выполнения роли и разнообразия ролевого репертуара, которое тесно связано с психическим здоровьем личности.

Кроме психотерапевтических направлений, использующих в своей основе работу с ролевым репертуаром индивида, имеет место применение разнообразных психотерапий в коррекции ролевого поведения (арт-терапия, когнитивно-бихевиоральная терапия, гештальт-терапия и пр.). В частности, Дж.Т. Пардек и Дж.А. Пардек дают высокую оценку в использовании библиотерапии при коррекции полоролевых конфликтов у детей [25].

Таким образом, можно заключить, что ролевая терапия хорошо зарекомендовала себя, используя реконструкцию ролевой структуры личности, проигрывание ролей в рамках психотерапевтической работы. Вместе с тем это направление не лишено определенных недостатков, которые снижают эффективность терапевтического воздействия, направленного на гармонизацию жизненного функционирования субъекта, которое тесно связано с реализацией диахронично-синхроничных отношений. Необходимо отметить, что в рамках диахронического подхода также осуществляются исследования, связанные с достижением идентичности. Так, в работе К. Кэй и М. Монаган рассматривается трансформация социальной идентичности [23]. В статье представлена модель идентичности перехода (SIMOT), позволяющая выявить синергизм между желанием и выздоровлением как процессами перехода. Опираясь на мезоуровневую модель организационной темпоральности, Дж. Б. Барбур с коллегами разработали эвристическую структуру для анализа временных актов, временных конструкторов и проектируемых особенностей темпоральности в ключевых практиках взаимодействия: совместное задание, совместное проектирование и совместное использование принятия партнеров по взаимодействию [20]. Временное измерение этих дискурсов подчеркивает роль транстемпоральности и взаимодействия в формировании качества жизни личности как в профессиональной, так и в личной сфере [21].

Таким образом, использование диахронического подхода в практике ролевого консультирования обладает эвристическим потенциалом, позволяющим определить конкретные стратегии управления временными ресурсами в ролевой реконструкции.

Методы и методология. Признавая обширность исследований в области консультирования с использованием ролевого подхода и прислушиваясь к предложениям других ученых, мы предлагаем субстанционально-темпоральную ролевую модель, ориентированную на выявление индивидуального ролевого репертуара, его ресурсов и ограничений, установление диахроническо-синхронических возможностей в каждой из пяти жизненных сфер (личностная, семейная, контактов, профессиональная, интимно-сексуальная). Эта модель позволяет рассматривать структуру и процесс ролевой социализации целостным образом на уровне группы, коллективных организаций и общества в целом, а также взаимодействие личности, культуры и социума, анализ их структурных и процессуальных элементов.

Модель, прежде всего, основывается на концепции субстанционально-темпоральной системности ролевой социализации личности [15]. Основная идея этой концепции состоит в том, что ролевая социализация может быть представлена в виде системного комплекса, так называемого качественного узла, который объединяет три системных образования: личность, культуру и социум, их взаимосвязи и особенности трансформации. В своем обобщенном виде это предполагало, что структурная организация ролевой социализации соотносится с ее процессуальной формой. Субстанционально-темпоральная форма ролевой социализации включает в себя системный инвариант, состоящий из пяти базовых уровней (элементный, компонентный, субсистемный, общесистемный и метасистемный), эксплицирующих иерархический и диахронический принципы.

На элементном уровне представлены социокультурные ожидания, характеризующиеся атемпоральностью и представляющие систему культуры [22]. Экспектации отражают социокультурный код, определяющий стандартизированность форм (специфические качества), которые в контексте включения экспектаций в системный комплекс трансформируются в чувствительность к ролевому пространству. На этом уровне реализуется механизм инкультурации (Я принадлежу), предполагающий встраивание в культурную среду через речь, праздники, традиции и ритуалы.

Второй компонентный уровень эксплуатирует ролевые модели, относящиеся к социуму как системному образованию и отличающиеся диахроничностью и стереотипностью. При инкорпорировании в системный комплекс роли начинают обладать регулятивной разнопорядковостью. Освоение этого уровня достигается посредством механизма имитации (Я умею), связанного с наблюдением за ролевым носителем и проигрыванием определенной роли.

В случае несформированности первого и второго уровня может возникнуть экспектационный конфликт, связанный с противоречием представлений индивида о роли и общественными ожиданиями. Этот конфликт предусматривает наполнение ролю своими представлениями и при игнорировании общественных ожиданий.

Третий уровень, обозначаемый как субсистемный, также реализует социум, но уже в виде социальных сфер, которые предполагают опосредованное следование экспектаций, ролевых моделей в четырех сферах жизнедеятельности (личностной, семейной, профессиональной, неформальных контактов, интимно-сексуальной). В системном комплексе социальные сферы обретают такое качество, как комплексирование ролей, в то же время они характеризуются институциональностью.

В случае обнаружения нарушений на компонентном и субсистемном уровнях активизируется межролевой конфликт, под которым понимается реализация одной личностью нескольких ролей одновременно. При этом экспектации этих ролей отличаются противоречивостью и несоординированностью.

На общесистемном уровне (четвертый уровень) включается системное образование личности, с ее мотивами, потребностями, ценностями, интересами, наряду с другими известными. Личность характеризуется своей индивидуальностью, которая при включении в системный комплекс обретает основное свое качество – социальность.

Нарушения субсистемного и системного уровней связаны с конфликтом ситуационной аутентичности роли, предполагающим несоответствие предъявляемой роли текущей ситуации, а также блокирование какой-либо одной или нескольких ролей вследствие психической травмы или кризиса, что приводит к ролевым искажениям в структуре личности.

Пятый, метасистемный уровень предполагает синхроничное взаимодействие трех системных образований (культура, личность и социум), что сопряжено с их интеграцией и взаимодетерминацией. Проблемы, возникающие на общесистемном и метасистемном уровнях, сопровождаются мотивационно-ролевым конфликтом, вскрывающим противоречие между потребностью и ролевой моделью.

Таким образом, эффективное освоение всех уровней ролевой социализации индивидом эксплицирует успешное социальное функционирование. Вместе с тем указанное овладение пятью уровнями тесно связано с сформированностью механизмов системного комплекса. В случае наличия трудностей, связанных с освоением какого-либо уровня, возникают ролевые конфликты и разрушается ролевая структура личности, что тесно связано с эффектами синхроничности-диахроничности. Синхроничность предполагает установление равновесного состояния между мотивами, интересами, потребностями личности и требованиями, правилами, ожиданиями общества. Такая несогласованность, с точки зрения J. Spurlack, способна спровоцировать конфликт [27]. В этой связи можно предполагать, что признаком диахроничности в системном комплексе являются ролевые конфликты.

В рамках концепции субстанционально-темпоральной системности ролевой социализации личности работа с ролевой структурой личности определялась следующей процедурой. Во-первых, осуществлялось выявление актуальных мотивов субъекта в жизненной сфере, их сопоставление с актуальной ролью и ее экспектациями. Во-вторых, предполагалось обращение к прошлому в виде выбора роли, определения ее мотивов и экспектаций. В-третьих, исследование актуального настоящего, связанного с травмирующей ситуацией, проводимого аналогично предыдущему этапу. В-четвертых, определение желаемого будущего, осуществляемого также в виде выявления роли, ее экспектаций и мотивов. И наконец на последнем этапе предусматривается дифференциация всех ролевых моделей (чем различаются?) и их интеграция (чем схожи и как они объединяются в одном человеке?). Тем самым происходит определение специфических характеристик и мотивов каждой ролевой модели, их временная длительность (диахрония) и интеграция всех ролей в одной личности (синхрония).

Следовательно, представленное временное структурирование отражает центральную позицию, которая раскрывается в двойственности синхронической и диахронической организации. Для экспликации этих положений обратимся к ряду работ, в которых было показано, что ролевое пространство может быть разделено

на две зоны [7; 15]. Первая зона – это актуальные роли, «работающие» на цель и потребность индивида, участвующие в реализации ролевого поведения. Вторая зона – это латентные роли, выступающие ролевым резервом для личности. В свою очередь последняя зона дифференцируется на потенциальные роли, резервные роли и отвергаемые роли. В случае совпадения актуальной роли с потребностями субъекта роль реализуется в поведении. Резервные роли используются субъектом в случае оценки им несоответствия актуальной роли мотиву, актуальной ситуации или ролевым ожиданиям. Отвергаемые роли отражают непринятие каких-либо качеств личности. При оценке актуальной роли как неудовлетворяющей возможен переход на предыдущие этапы, начиная с анализа ситуации, и повторение функционального круга [15]. Однако в силу недостаточной включенности индивида в социальное пространство возможна реализация роли, которая или не удовлетворяет потребность, или не соответствует социальной ситуации. В этом случае индивид транслирует асоциальное ролевое функционирование, которое может выражаться в творческой или деструктивной активности либо субъект переживает ролевой конфликт.

Согласно представленной концептуальной модели ролевого функционирования личности авторским коллективом (Ю. М. Перевозкина, Л. В. Панышина (Зиновьева), О. О. Андронникова и Н. В. Дмитриева) была разработана методика, предполагающая диагностику профиля ролевых моделей в пяти сферах жизнедеятельности субъекта (личностной, семейной, неформальных контактов, профессиональной и интимно-сексуальной). Методика состоит из 10 фигур, отражающих 10 основных ролевых моделей и цветовых полей, состоящих из четырех и девяти цветов [15]. Диагностика заключается в определении испытуемым ролевой идентичности с 4 фигурками (актуальная, потенциальная, резервная и отвергаемая), связанным с ним мотивом (цвет, на который ставится фигура) и способа его достижения (положение фигуры на цветовом поле).

Результаты и их обсуждение. Приведем фрагменты работы с ролевыми моделями в диахроническом подходе.

Молодой человек 25 лет, военнослужащий. Обратился с проблемой потери смысла жизни, боязни не справиться с ролью командира. Рос без отца, мать была военнослужащей. Буквально с детства форма на глазах, постоянные сборы, командировки, сумки. Постоянно в этом жил. По окончанию школы попал на срочную службу, после которой стал служить по контракту дальше в своем отряде. От матери знал, что есть офицеры, элита. Пытался неоднократно поступить в военный институт, но не получалось. Уже устроившись в отряд, посмотрел, как живут офицеры и контрактники, сравнил и понял, что контрактником всю жизнь не будешь. Тем более мечта с детства, нужно что-то делать. Затем была командировка в Чеченскую республику. Усиленно занимался спортом, готовился к сдаче экзамена. Одновременно с поступлением в вуз состоялась сдача на право ношения крапового берета, после которой успешно был зачислен в военный вуз.

(Т) – Переживали ли Вы отсутствие в Вашей жизни отца?

(К) – Да. Тянулся к другим взрослым мужчинам. Когда мне было лет 12, в нашем доме жил полковник в отставке. Он был высоким, хорошо владеющим рукопашным боем, умным, начитанным. Не знаю почему, как так происходило, мы с ним постоянно общались, брал меня с собой на тренировку. Я даже понятия не имел, что такое краповый берет, просто мне нравилось, как он смотрелся на этом полковнике.

(Т) – Что Вы чувствовали, когда были вместе с этим полковником?

(К) – Гордость, счастье, волнение. Много чувств. Желание, чтобы он был моим

отцом. Когда я был на абитуриентском сборе, то передумал поступать. Это был переломный момент. Позвонил маме и сказал, что забираю документы. Как оказалось, мама сообщила этому полковнику, и он сразу мне перезвонил. Его слова были жесткие, но отрезвляющие. Он сказал, что не примет меня и перестанет со мной общаться, я упаду в его глазах. В этот миг у меня все перевернулось, и я подумал, что нужно оставаться.

Первый этап. Выявление актуальных ролей в личностной сфере и их сопоставление с актуальными мотивами представлены в следующей ролевой композиции (табл.).

Таблица

Ролевая композиция в личностной сфере

Позиция	Ролевая модель	Мотив	Способ действия
Актуальная	Герой	В превосходстве и власти	Через признание в социуме
Потенциальная	Отец	В сопринадлежности, в единстве и гармоничном единении	Через критический самоанализ
Резервная	Мальчик	В освобождении от ограничений, любознательности	Через иллюзорные желания
Отвергаемая	Трикстер	В доминировании, в успехе, достижении, активности	Через преодоление преград

Итак, анализируя представленную ролевую композицию, можно определить, что молодой человек имеет ролевую идентичность по ярко выраженному мужскому типу – все роли в личностной сфере мужские (рис.).

Рис. Ролевая композиция в личностной сфере

На первой позиции роль героя, связанная с энергичностью, боевитостью, готовностью к риску, целеустремленностью, желанием защитить окружающих. Ведущим мотивом для этой фигуры является мотив в превосходстве и власти, который до-

стигается посредством достижения признания в социуме, сопряженным с недовольством имеющимся положением, недостаточностью признания со стороны окружающих и неудовлетворенностью своими взаимоотношениями с отцом.

В качестве потенциальной ролевой модели, которая всегда «на подхвате», была выбрана роль отца, отражающая стабильность, ответственность, стрессоустойчивость, организованность и дисциплинированность, развитые волевые качества с мотивом в сопринадлежности и единении с воинским коллективом. Достижение этой потребности осуществляется через критический самоанализ и пессимистичное отношение к прошлому. Вероятно, молодой человек страдает от ощущения некоторого непринятия его коллективом и связывает это со своим прошлым, в котором ему очень хотелось иметь отца как образец мужского начала.

Резервная роль ассоциируется с ребенком (была выбрана фигура мальчика), которая демонстрирует импульсивность, искренность, озорство, с мотивом в освобождении от ограничений, любознательности. Для достижения этого мотива респондент использует иллюзорные желания.

И наконец на отвергаемой позиции находится роль трикстера с ее парадоксальностью, двуличностью, эксцентричностью, импульсивностью, безответственностью и беспринципностью. Мотивом для этой роли является доминирование и достижение успеха, которое реализуется через преодоление преград оптимистичный настрой на будущее, иллюзорное сближение с отцом, через достижение признания в социуме, которое может быть нереалистичным.

Резюмируя, можно отметить, что переживания, связанные с отсутствием отца, оказывают непосредственное влияние на реализацию ролевого поведения молодого человека. Более того, мотив достижения успеха, связан с отвергаемой фигурой, что и создает дополнительные трудности в профессиональной деятельности. Следовательно, можно предполагать наличие нескольких ролевых конфликтов, связанных с нарушением системного и метасистемного уровней. Это, прежде всего, наличие мотивационно-ролевого конфликта, вскрывающего противоречие между потребностью и ролевой моделью (герой имеет мотив во власти, который отражает мотивационные характеристики отца, нарушение потребности в достижении, релевантной герою).

На втором этапе респонденту было предложено выбрать роль, с которой он идентифицирует себя до поступления в вуз. В качестве таковой была выбрана роль ребенка с субъективными ожиданиями, беззаботный, легкий в поведении, нет четких целей. Основным мотивом для этой роли являлось игра, развлечения, отдых. Респондент испытывает к этой фигуре чувство неприязни, так как мальчик выглядит легкомысленным.

Третий этап. Исследование актуального настоящего, связанного с травмирующей ситуацией, показало, что ролевой моделью является трикстер, который не показывает своего лица окружающим. Он демонстрирует внешнее спокойствие, а на самом деле он боится, что не справится с возложенной на него задачей. Основной потребностью для этой фигуры являлось выполнение задачи для того, чтобы его оценили и заметили. Однако к этой фигуре испытуемый также демонстрирует чувство недоверия и неприязни, поскольку лицо скрыто за маской и непонятно, что на уме у этого человека. На этом этапе также выявлен ролевой конфликт ситуационной аутентичности роли (нарушение субсистемного и системного уровней), предполагающий несоответствие предъявляемой роли текущей ситуации. В этом случае наиболее подходящей являлось бы роль героя, которая, по нашим исследованиям,

становится для курсантов высшей ценностью, идеалом, к которому они стремятся [13; 14]. Герой, характеризующийся готовностью принять брошенный вызов, целеустремленностью. Герой – это олицетворение мужества и закаленности в боях, всеобщая мечта о свободе и власти. М. Марк и К. Пирсон пишут, что естественным окружением для героя или спасителя являются поле битвы и спортивные состязания. Следовательно, происходит блокирование роли героя вследствие психического кризиса, что приводит к ролевым искажениям в структуре личности [11].

На четвертом этапе респондент выбрал фигуру отца как роль своего желаемого будущего, ассоциирующегося у него с требовательностью к себе, наличием четко поставленных целей, самодостаточностью, образованностью, уверенностью в себе. Основная потребность – развиваться, двигаться дальше, найти свой путь в жизни. Эта фигура вызывает у респондента восхищение, гордость и уважение к умному и эрудированному человеку.

Пятый этап предполагал визуализацию всех ролевых моделей и определение того, что они могут дать респонденту вместе или по отдельности.

(Т) – Посмотрите на все эти четыре фигуры и представьте, что это один человек, как бы Вы могли его охарактеризовать?

(К) – Первые две фигуры (см. рис.) героя и отца объединяет сила и уверенность, это такие люди, которые могут чем-то пожертвовать и безвозмездно помогают или стараются помочь, они каждый день выполняют свой долг, исполняют задачи на благо своей родины. Герой – это человек, который без раздумий бросится и в огонь, и в воду, чтобы спасти тех, кто нуждается в помощи. Эти фигуры помогают мне быть уверенным в себе, стойко переносить все невзгоды и трудности и направленно идти к поставленной цели. Две другие фигуры символизируют свободу, расслабленность, спонтанность, способность быть творческим, радоваться жизни, несмотря ни на что.

(Т) – Они Вам все нужны?

(К) – Да!

Следовательно, реализовано определение специфических характеристик и мотивов каждой ролевой модели, их временная длительность (диахрония) и интеграция всех ролей в единую ролевую структуру индивида (синхрония).

Выводы. Подводя итог нашему исследованию, представим основные выводы.

1. Верификация теоретической концепции субстанционально-темпоральной системности ролевой социализации личности продемонстрировала концептуальную правомочность предложенной структуры в консультативной и диагностической работе. Это свидетельствует о реализации синхронических и диахронических отношений, при которых эффективность социализации напрямую зависит от согласованности (синхрония) внутренних ресурсов личности и требований среды. В то же время рассогласование (диахрония) социокультурных ожиданий, актуальной ситуации, ролевых моделей и мотивов обнаруживает нарушение субъективного благополучия личности и сложности в социализации. Однако необходимо отметить, что обе эти тенденции являются необходимыми как в процессе социализации, так и в процессе консультирования.

2. Использование диахронического подхода в практике консультирования позволяет выявить эффективность или неэффективность реализации мотива в рамках конкретной роли в определенной ситуации, а также интеграцию отвергаемых ролей в ролевой репертуар личности. Следовательно, проработка основных ролевых моделей, их дифференциация (диахрония) и интеграция (синхрония) в единую

ролевою структуру індивіда володає евристическим потенціалом, дозволяючим визначити конкретні стратегії управління часовими складнощами довготривалого учасія. Часове вимірювання цих дискурсів підкреслює роль транс-часовості і взаємодії в формуванні якості життя людини як в професійній, так і в особистій сфері.

Список литературы

1. *Асмолов А. Г.* Ну и молодежь пошла... Куда? // *Образовательная политика*. 2010. № 4(42). С. 2–4.
2. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Моск. философ. фонд, 1995. 322 с.
3. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы. М.: Фаир-Пресс, 2000. 480 с.
4. *Горноста́й П. П.* Личность и роль: ролевой подход в социальной психологии личности. Киев: Интерпресс ЛТД, 2007. 312 с.
5. *Карпов А. В.* Метасистемная организация индивидуальных качеств личности: монография. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2018. 744 с.
6. *Карпов А. В.* Психология деятельности: в 5 т. Т. 3: Функциональные закономерности. М.: РАО, 2015. 496 с.
7. *Карпов А. В., Перевозкина Ю. М.* Структурно-временная системность ролевой социализации // *Системная психология и социология*. 2019. № 3(31). С. 3–17.
8. *Карпов А. В., Перевозкина Ю. М., Андронникова О. О.* Временная системность ролевой социализации личности // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 5(41). С. 359–372.
9. *Келли Г.* Две функции референтной группы // *Современная зарубежная социальная психология*. Тексты. М.: Смысл, 1984. С. 197–203.
10. *Лейтц Г.* Психодрама: теория и практика. Классическая психодрама Я. Л. Морено. М.: Прогресс: Универс, 1994. 352 с.
11. *Марк М., Пирсон К.* Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
12. *Морено Я.* Психодрама. М.: Апрель-Пресс: Эксмо-Пресс, 2001. 528 с.
13. *Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М., Терентьева А. В.* Особенности ролевого поведения курсантов в зависимости от ролевого конфликта // *Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сборник научных статей IX Межвузовской научно-практической конференции с международным участием: в 3 ч. / под общей редакцией С. А. Куценко*. 2018. С. 190–199.
14. *Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М., Панышина Л. В.* Импазо-ролевые особенности успешной профессиональной социализации молодежи // *Ученые записки Санкт-Петербургского института социальной работы и психологии*. 2016. № 2(26). С. 38–43.
15. *Перевозкина Ю. М.* Субстанционально-временная системность ролевой социализации личности. Новосибирск: НГПУ, 2019. 306 с.
16. *Рудестам К.* Групповая психотерапия. СПб.: Питер, 2006. 384 с.
17. *Хайгл-Эверс А. Ф., Отто Ю., Рюгер У.* Базисное руководство по психотерапии. СПб.: Вост.-Европ. Ин-та психоанализа: Речь, 2001. 784 с.
18. *Шостром Э., Браммер Л.* Терапевтическая психология. Основы консультирования и психотерапии. СПб.; М.: Сова: Эксмо, 2002. 624 с.
19. *Allen J.* An exploration: does dramathery help clients with schizophrenia? // *Dramathery*. 1994. Vol. 16, iss. 1. P. 12–22.

20. *Barbour J. B., Ballard D. I., Barge K. J., Gill R.* Making time/making temporality for engaged scholarship // *Journal of Applied Communication Research*. 2017. Vol. 45, iss. 4. P. 365–380.
21. *Ballard D. I., Gossett L. M.* Alternative Times: Temporal Perceptions, Processes, and Practices Defining the Nonstandard Work Relationship // *Annals of the International Communication Association*. 2007. Vol. 31, iss. 1. P. 274–320.
22. *Fraser J. T.* *Of Time, Passion and Knowledge*. Princeton: Princeton University Press, 1990. 552 p.
23. *Kay C., Monaghan M.* Rethinking recovery and desistance processes: developing a social identity model of transition // *Addiction Research & Theory*. 2019. Vol. 27, iss. 1. P. 47–54.
24. *Kipper D. A.* Acting-In: Practical Applications of Psychodramatic Methods // *International Journal of Group Psychotherapy*. 1998. Vol. 48, iss. 1. P. 129–131.
25. *Pardeck J. T., Pardeck J. A.* Using bibliotherapy to help children adjust to changing role models // *Early Child Development and Care*. 1986. Vol. 25, iss. 4. P. 279–289.
26. *Ruddy R. A., Dent-Brown K.* Drama therapy for schizophrenia or schizophrenia-like illnesses [Электронный ресурс] // *Cochrane Database Syst. Rev.* 2007. Vol. 24, iss. 1. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/17253555> (дата обращения: 21.01.2020).
27. *Spurlock J.* Multiple roles of women and role strains // *Health Care for Women International*. 1995. Vol. 16, iss. 6. P. 501–508.
28. *Zeintlinger K. E.* *Analyse, Präzisieren und Reformulierung der Aussagen zur psychodramatischen Therapie nach J. C. Moreno: dissertation*. Salzburg: Universität Salzburg, 1981. 125 p.

Дата поступления в редакцию 20.04.2020